

Ф.Н. Козырев

ИЗМЕРЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ конструктивизм в практике педагогического исследования (выдержки)

Глава 2. Q-сортировка, или технология СПС

2.1. Предыстория

Сортировка предложенных суждений (СПС), более известная за рубежом как Q-сортировка, обрела широкую известность после того, как Карл Роджерс применил ее к исследованию «Я-концепции» человека. У нас в стране эта диагностическая технология до сих пор так и воспринимается почти исключительно как метод изучения представлений личности о себе и о поведении в группе, в то время как в других странах она давно вышла за стены психотерапевтических лабораторий и стала использоваться в маркетинговых, социологических, политологических и педагогических исследованиях. Создатель Q-сортировки, английский математик У. Стефенсон, впервые представил свою разработку в научной печати в 1953 году [51]. Под влиянием Роджерса она быстро завоевала признание в США, и уже в 1961 году выходит в свет обстоятельный труд калифорнийского психолога Джека Блока «Метод Q-сортировки в личностной самооценке и психиатрическом исследовании», содержащий результаты тщательного анализа многолетних данных и выводы о действенности и новых возможностях метода [27]. В труде представлены рекомендации по стандартизации метода и предложение интенсифицировать его применение в психометрии.

Сам Стефенсон стоял на конструктивистских позициях достаточно радикального толка, о чем, в частности, свидетельствует высказанный им однажды тезис: «Субъективность – основа реальности» [28]. Основное направление его поиска, соответственно, было изначально сосредоточено на вопросе о том, как сделать такое многомерное явление, как субъективное восприятие, объектом психометрии. Еще в середине 30-х годов, работая над усовершенствованием факторного анализа, тогда еще молодой Стефенсон задается вопросом, что будет, если в корреляционной матрице респонденты займут место переменных и наоборот. «Сравнивать не показатели, а людей» – так можно перевести название одной из его статей этого периода [50]. Реализацией этой идеи и стала Q-сортировка и Q-статистика.

Роджерс сразу разглядел головокружительные перспективы, которые открывала до гениальности простая догадка Стефенсона. Он решил сопоставлять между собой две Я-концепции пациента, одна из которых отражает представление о действительном состоянии дел (Я-реальное), а другая – то, каким пациент хотел бы видеть себя (Я-идеальное). Обе концепции строились на одном и том же материале – наборе самооценочных суждений, который пациенту предлагалось отсортировать. Коэффициент корреляции двух сортировок определял степень удовлетворенности собой, а изменение коэффициента после прохождения курса психотерапии принималось за показатель результативности курса. Вся сила статистики в этом случае уходила на повышение диагностической значимости той одной цифры, которой оценивался психотерапевтический эффект. Подобно тому, как в традиционной статистике достоверность суждения о связи двух факторов возрастает пропорционально числу измерений, так в Q-статистике Стефенсона достоверность суждения о степени несовпадения Я-концепций была гарантирована весомым количеством карточек сортировочного набора. В одной цифре аккумулировались десятки измерений параметров Я-концепции, выполненных самим респондентом в предложенной ему шкале.

После того, как идея превратилась в полноценную технику, открылись и другие достоинства метода. Так, вне зависимости от возможности сравнения сортировок между собой, правила, по которым производилась сортировка, повышали взаимосвязанность отдельных суждений и способствовали тем самым более эффективному распознаванию и описанию паттернов ценностно-смысловых ориентаций, за которыми мог просматриваться конструкт. Кроме этого, в сравнении с традиционным опросным методом сортировка повышала дискриминирующую способность теста. Возможности же применения транспонированной корреляционной матрицы не устраняла возможности работы с обычной матрицей, благодаря чему обретение тестом новых функций обходилось практически без потери старых. Тест просто становился более многофункциональным, и в стратегическом плане это означало большие возможности для методического маневра и импровизации. Техника отвечала, таким образом, идиографической исследовательской установке на индивидуальный подход и подбор методики к каждому конкретному случаю.

С точки зрения педагогической практики перспективным в этой технике, очевидно, оказывалась не только возможность отслеживания динамики личностных конструктов по схеме Роджерса, но и измерение дистанции между наличным состоянием обучающегося и тем педагогическим идеалом, к которому его ведет педагог. Педагогическая реальность как мир перманентного *между* (Флитнер), в том числе и между педагогическими ожиданиями (нормативностью) с одной стороны и эмпирической данностью – с другой [18], более чем какие-либо другие виды реальности нуждается в таком критерии. Техника сортировки и Q-статистики дала больше, чем от нее можно было ожидать.

2.2. Научные предпосылки и назначение технологии

Методика СПС и Q-статистики опирается на следующую последовательность конструктивистских посылок:

- поведение человека детерминировано не внешними стимулами, а результатами обработки стимулов сознанием человека;
- обработка стимулов носит субъективный характер, контролируемый целостными внутренними структурами, или конструктами;
- для изучения этих структур необходимо стремиться к сохранению их целостности, не редуцируемой к набору отдельных характеристик;
- целостность, степень структурной оформленности, или структурированности конструкта может выступать в качестве измеряемого параметра, отражающего одно из качеств когнитивной деятельности респондента и позволяющего производить количественные сравнения конструктов между собой;
- для проведения таких количественных оценок и измерений процедура тестирования и методы статистической обработки должны быть настроены так, чтобы отдельные суждения субъекта рассматривались не в отрыве, а в связи с другими суждениями;
- способом реализации этого условия может стать *вынужденное* (предпочтительно – нормальное) *распределение* суждений респондента.

В «вынужденности» распределения состоит основная технологическая находка. Согласно этому специфическому условию респондент ограничивается в свободе произвольно выбирать, какому количеству предложенных суждений он даст отрицательную, положительную или нейтральную оценку. Число рангов оценочной шкалы, и количество суждений, которыми должен быть заполнен каждый ранг, фиксируются до начала тестирования. За счет этого обеспечивается более когерентная репрезентация отношения респондента к изучаемой проблеме. Индивидуальная сортировка, получаемая в результате тестирования, представляет собой своего рода оцифрованный слепок представлений тестируемого. Этим условием определяется и своеобразная процедура проведения теста: ранжирование вместо рейтинговой оценки,

сортировка вместо заполнения графа. Стимулы-суждения не сведены на листах опросника, а представлены в виде отдельных карточек, сортировка которых по заданным правилам и составляет задачу респондента.

Соответствие формы распределения суждений по рангам шкалы нормальному распределению Гаусса достигается за счет того, что для средних рангов, соответствующих нейтральным оценкам шкалы Ликерта, зарезервировано максимальное количество мест, для крайних рангов – минимальное. Предпочтительность такого распределения обусловлена двумя соображениями. Во-первых, это позволяет применить к результатам теста обычные пути статистической обработки, многие функции и критерии которой рассчитаны лишь на нормальное распределение. Во-вторых, это заставляет респондента уделять повышенное внимание тем наиболее интересным для исследователя периферийным участкам шкалы, в которые должно попасть сравнительно небольшое число суждений. Этот прием позволяет выявлять «болевые», экзистенциально значимые для респондентов точки проблемы по составу высказываний в крайних рангах. Такие высказывания названы в СПС *резонансными*.

Важным преимуществом сортировки является то, что эта своеобразная техника сбора данных не только не исключает, но, напротив, повышает эффективность применения традиционных статистических методов. Данные, полученные методом СПС, будут обладать рядом важных преимуществ перед данными, полученными в шкале Ликерта с применением обычных опросников. Вот важнейшие из них.

- Более высокая степень от-refлексированности суждений, обусловленная *возможностью пересмотра* респондентом своих оценок по ходу выполнения теста. Известно, что желание вернуться к началу и заполнить анкету по-другому наступает едва ли не каждого респондента по мере того, как он приближается к ее концу. Это вполне объяснимое и объективно обусловленное явление: правила «языковой игры», в которую тест вовлекает респондента, становятся понятны по мере движения в его семантическом поле. При сортировке суждений возможность переоценки никак не ограничена и, напротив, предполагается изначально в качестве нормального условия протекания испытания.

- *Отсутствие смещения среднего* значения балла в индивидуальных распределениях, позволяющее свести к минимуму влияние фактора общего положительного или отрицательного настроения респондента. В СПС средний балл индивидуального распределения всегда равен нулю. Благодаря этому выносимые суждения (оценки) инвариантны средним. Если в обычной анкете некоторое суждение получает отрицательный балл у респондента А и положительный – у респондента Б, это еще не значит, что в воззрениях А данное суждение занимает более низкий статус, чем в воззрениях Б. Надо смотреть, какую оценку респонденты дали другим суждениям. Вынужденный характер распределения устраняет эту относительность. Нельзя, чтобы в результате сортировки отрицательных суждений оказалось на чаше весов больше, чем положительных. Это создает дополнительные трудности для отвечающих (и разработчиков комплектов), но в этом особенность метода. Принципиальное значение для исследователя имеет только внутренняя взаимосвязь суждений респондента. Лишняя степень свободы, позволяющая респонденту давать оценки «как попало», устраняется здесь как фактор, затемняющий изучаемую картину. В техническом отношении такое ограничение понижает дисперсию (разброс) оценок и, как следствие, делает измерительный инструмент более чувствительным и тонким.

- *Фиксированное количество суждений* в каждом ранге шкалы позволяет устранить другие нежелательные эффекты, вызывающие критическое отношение к данным стандартизованных анкет. Так, известно, что часть респондентов избегает крайних оценок, вследствие чего по их ответам очень трудно делать выводы о том, какие аспекты проблемы волнуют их больше всего. В результате из-за недостаточного заполнения этих важнейших частей шкалы могут возникнуть сильные искажения при реконструкции

групповых паттернов. Также нежелательно, чтобы края шкалы оказались слишком нагруженными, поскольку в этом случае выделение резонансных суждений становится проблематичным. Предусмотренное правилами сортировки симметричное убывание количества карточек от середины шкалы к краям, несмотря на его искусственный характер, соответствует явлению естественной вариации признаков. Это значит, что по весовому соотношению типичных и выдающихся черт искомые психические паттерны будут приближены к тем наблюдаемым явлениям жизни, в которых обнаруживается естественный разброс, благодаря чему сортировка оказывается удобным для интерпретации объектом.

Применимость к результатам сортировки вероятностных описаний и расчета соответствующих параметров (P-статистики), обработки данных в обычных корреляционных матрицах (R-статистики) и в матрицах транспонированных (Q-статистики) создает основу многофункциональности СПС. Если отдельный комплект СПС представляет собой методику, заданную и запрограммированную под определенную цель, то технологию в целом следует рассматривать как концептуально новую форму, в которую может быть влито разное содержание. Настройка методики под определенную исследовательскую задачу начинается с разработки сортировочного комплекта суждений и эталона и заканчивается составлением индивидуального набора аналитических и статистических процедур, оптимальных для решения поставленной задачи применительно к данному комплекту и типу распределения. В целом основные направления использования методики в системе образования включают:

- выявление паттернов ценностных ориентаций. Способом обнаружения устойчивых повторяющихся комплексов представлений (конструктов), характерных для той или иной группы респондентов, служит наложение индивидуальных сортировок. Если такие комплексы существуют, увеличение числа сортировок будет вести не к размыванию, а к усилению (амплификации) наблюдаемых паттернов. Наблюдение за изменением паттернов при фильтрации выборок по набору условий может также дать ценную информацию о факторах формирования конструктов;
- анализ и сравнение паттернов;
- оценка общей связности конструктов и сцепленности отдельных суждений в обычной матрице на основе изучения корреляционных связей (R-статистика);
- сравнение с эталоном: диагностика соответствия индивидуальных и групповых результатов педагогическим ожиданиям;
- изучение динамики паттернов до и после участия в образовательных программах и оценка на этой основе результативности программ;
- экспресс-анализ гомогенности выборок с выявлением девиантных сортировок, оценка степени общности взглядов в группе и изучение корреляционных связей в Q-матрице.

.....

2.5. Адаптация и усовершенствования

Первую инновацию можно назвать *параметрической формализацией паттернов*. Она заключается в привлечении к математической формализации особого показателя – *значимости* суждения – и соответствующей визуализации паттернов в координатах «согласие – значимость».

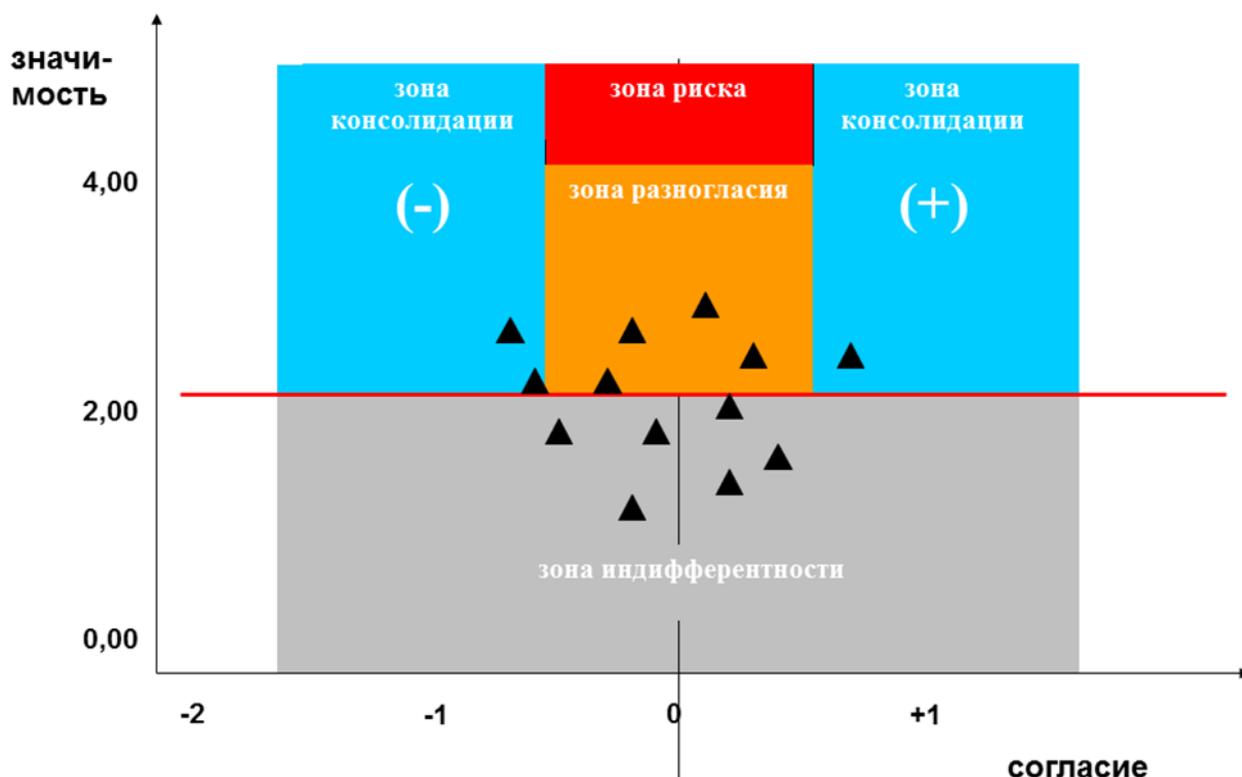
Обычно средняя величина согласия группы респондентов с тем или иным высказыванием представляет собой главный результат статистической обработки данных опроса. Помимо этого может вычисляться степень варьирования индивидуальных показателей согласия в группе (стандартное отклонение, дисперсия), помогающая производить корректное сравнение средних. Вынужденное распределение СПС с его фиксированными параметрами позволяет оценивать с той же математической однозначностью третий показатель, а именно степень уверенности, или категоричности, с какой респонденты заявляют о своем согласии или несогласии с тем или иным высказыванием. Представим, что в какой-то группе респондентов суждение А вызывает резкое разногласие, а суждение Б не вызывает почти никакой реакции. Суждение А попадает у половины группы в категорию «категорически не согласен», а у другой половины вызывает решительную поддержку, в то время как в отношении суждения Б большинство респондентов воздерживается от вынесения определенных оценок. Оба суждения в результате будут характеризоваться показателями согласия, близкими к нулю. При применении обычной методики можно упустить из виду, что перед нами два весьма разных случая. Дискриминировать же их удастся лишь косвенно, опираясь на значения дисперсии, причем показатель этот будет сильно «засорен» той компонентой вариации, которая обусловлена независимостью оценок, позволяющей респонденту оценивать все суждения преимущественно в негативном или позитивном ключе. Введение показателя значимости создает базу для более четкой дискриминации таких случаев, а также для более наглядного представления различий групповых паттернов.

В качестве показателя значимости нами принят индекс, рассчитываемый как сумма квадратов *неприведенных* баллов согласия по данному суждению (нейтральная оценка принята за ноль), отнесенная к числу респондентов. В математическом отношении значимость аналогична дисперсии, с той разницей, что она является мерой отклонения единичных случаев не от реального среднего балла данного суждения в выборке (как было бы в случае измерения дисперсии), а от математического ожидания среднего балла полного распределения, имеющего в случае СПС строго фиксированное значение (0 в двусторонней, 4 в приведенной 7-ранговой шкале). Индекс значимости также имеет строго фиксированное среднее значение и диапазон вариации для каждого типа распределения, зависящие от количества ячеек в рангах. Так, для распределения 2-4-8-12-8-4-2 величина средней значимости будет равна 2,1, а для распределения 1-3-6-10-6-3-1 она будет равна 1,8. Диапазон вариации показателя в 7-ранговой шкале: от 0 до 9.

Эта величина делит совокупность данных на две половины столь же математически однозначно, сколько среднее значение присвоенных суждению баллов делит ту же совокупность на две половины, соответствующие зонам согласия и несогласия респондентов. Баллы выше среднего по показателю значимости получают суждения, которым респондент дает оценки наиболее уверенно и которые вследствие этого чаще оказываются на краях сортировки. Название показателя исходит из того эмпирически подтвержденного факта, что наибольшую категоричность оценок вызывают обычно не столько хорошо обдуманые и давно решенные, сколько актуальные, экзистенциально значимые для респондента вопросы, в том числе и сравнительно недавно вошедшие в арсенал его убеждений. Набор суждений, показывающих высокую значимость, очерчивает круг актуальной проблематики, что порой не менее важно, чем установление того, с чем

группа респондентов согласна, а с чем нет. Для обозначения точек повышенной значимости мы также используем понятие *резонансных суждений*.

Рисунок 4. Параметрический способ визуализации групповых паттернов

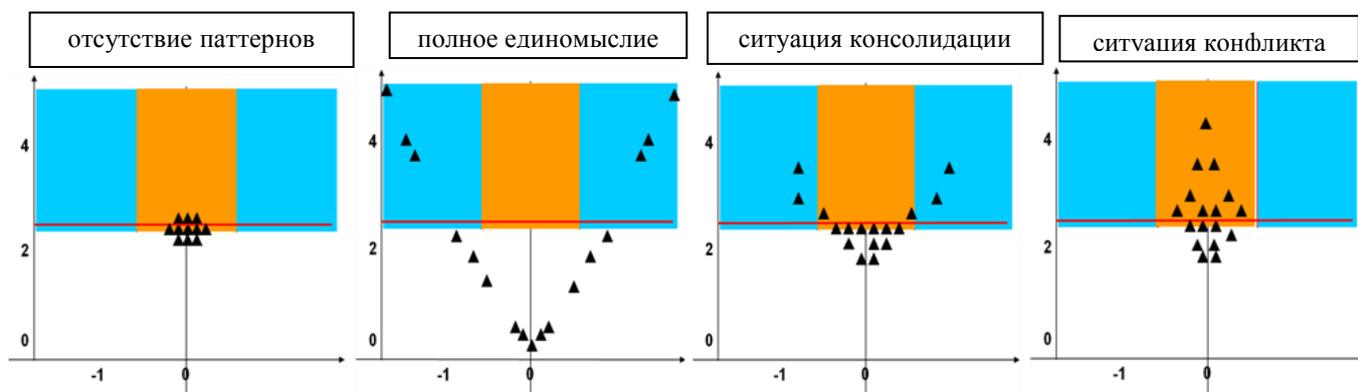

В связи с введением второго показателя становится целесообразным представление данных не в одномерной шкале, а в координатной системе, составленной двумя осями. Визуализация групповых паттернов в координатах «согласия» и «значимости» позволяет выделять зону *индифферентности*, две зоны *консолидации* (*согласия и несогласия*) и зону *конфликта*, как это показано на рисунке 4. Область графика выше черты средней значимости соответствует резонансной зоне. Суждениями, находящимися в *зоне конфликта*, мы считаем те, что имеют индекс значимости выше среднего, а по согласию отклоняются от среднего на полбалла или несколько больше. Ширина зоны конфликта обычно устанавливается в 1,0-1,2 балла. Переход через критические значения из зоны конфликта в зоны консолидации в этом случае соответствует в применявшихся распределениях наступлению ситуации «абсолютного большинства», т.е. ситуации, когда за или против данного суждения подано более 2/3 голосов. В зоне индифферентности оказываются суждения, которые уверенно отвергает или принимает (в семиранговой шкале это соответствует двум крайним рангам с каждой стороны) лишь один из трех респондентов и меньше. Случаю, когда уверенные оценки согласия / несогласия по данному суждению выносит половина респондентов, примерно соответствует значению 3 по шкале значимости, а если то же относится к двум третям респондентов – значению 4. Если примерно у половины респондентов суждение попадает в крайний ранг категорического согласия/несогласия, значимость достигает значения 5.

Очевидно, что при таком способе представления результатов показательной становится сама форма распределения (см. рис. 5). Так, форма «бычьей головы» указывает на то, что группа респондентов имеет высокую степень согласия по наиболее важным для них вопросам. Приближение распределения к куполообразной форме или «голове носорога» свидетельствует о конфликтной ситуации, когда по наиболее важным вопросам мнения членов группы резко расходятся. Приближение распределения к виду

малого и плотного облака, centered around the point of intersection of average values, свидетельствует об отсутствии паттернов в исследуемой группе. Приближение к форме галочки – о ситуации полного единомыслия.

Рисунок 5. Формы паттернов: предельные (слева) и прогнозируемые случаи

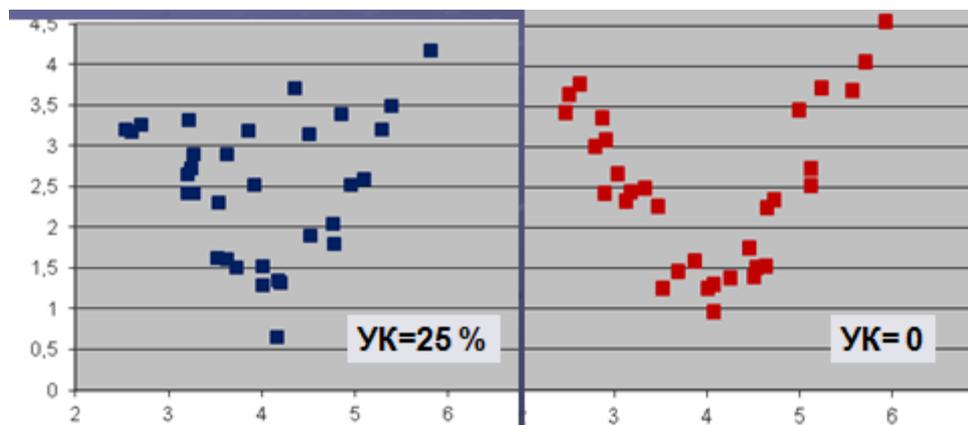

Параметрическая визуализация результатов наложения индивидуальных сортировок дает наглядное свидетельство о наличии устойчиво репродуцируемых коллективных конструктов сознания. Чем больше выборка, тем отчетливее проступают конструкты, как это имеет место и в методе наложения эпох, используемом в естественных науках. Если рейтинги резонансных суждений, полученные в нескольких классах разных школ, в значительной мере совпадают, это не может считаться случайностью, но должно приниматься на соответствующем уровне вероятности как доказанное наличие устойчивых комплексов представлений в среде учащихся. При достаточно большом числе независимых измерений случайно возникающие комбинации непременно должны сглаживаться и исчезать.

Форма паттерна может описываться с помощью количественных характеристик. Так, диапазон вариации значений по обеим осям может служить мерой выраженности паттерна, т.е. сформированности коллективных конструктов. Для оценки асимметричности распределения удачно подходит функция скоса, причем сама асимметричность может нести информацию об особенностях восприятия изучаемой проблемы в данной группе. Степень «нагруженности» зоны конфликта, отражающая уровень существующего между респондентами разногласия по значимым для них вопросам, может быть выражена показателем *уровня конфликтности* паттерна (УК). Этот индекс позволяет количественно оценить, какая доля значимости в резонансной зоне образовалась за счет разногласия. В общем приближении УК представляет собой отношение суммы превышения средней значимости в зоне конфликта к аналогичному показателю для всей резонансной зоны. Показатель хорошо зарекомендовал себя в диагностической практике. Соответствие значений УК графической визуализации можно оценить на примере, представленном на рисунке 6.

Рисунок 6. Паттерны сортировки «Мораль и автономия» у участников программы «Духовно-нравственные беседы» (справа) и в контрольной группе (слева) после двух лет обучения

За изучением формы распределения следует анализ состава резонансной части.

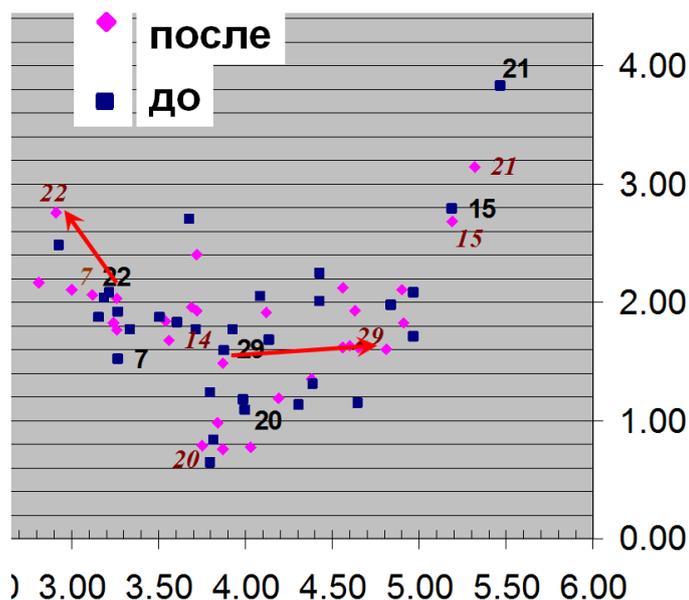

Рейтинг резонансных суждений – один из наиболее ценных, смыслоемких и простых в интерпретации результатов СПС. Как видно из представленных в главе 4 примеров, один этот отдельно взятый результат способен дать исчерпывающий ответ на ряд исследовательских вопросов, связанных с реконструкцией коллективных представлений. При обработке политематических сортировок рейтинг суждений полезно представить наглядно, используя разные маркеры для отдельных смысловых блоков. Более детальный анализ проводится с применением количественных показателей, таких как, к примеру, степень вариации значений резонансных суждений в индивидуальных сортировках.

Сочетание графических и числовых характеристик оказывается полезным при изучении динамики паттернов. При наличии соответствующего программного обеспечения можно легко выявить и визуализировать в координатном поле основные изменения, произошедшие с паттернами в течение заданного периода времени. На рисунке 7 показано, как может выглядеть такая иллюстрация. В представленном примере наибольшее смещение по итогам прохождения учебного курса «Евангельские притчи» в 5-м классе претерпели суждения «Слабый человек заслуживает презренья, потому что он сам виноват в своей слабости» (№ 22) и «Не надо гордиться своими успехами» (№ 29), причем первое резко повысило степень отрицательного отношения, второе же переместилось из области нейтральных оценок в область согласия, хотя и не перешло в резонансную область. Оба изменения, взятые в комплексе, достаточно ярко характеризуют вполне предсказуемый нравственный эффект знакомства с евангельским учением.

Рисунок 7. Динамика ценностных ориентаций участников «Духовно-нравственных бесед» после первого года обучения

Вторая аналитическая инновация имеет отношение к сравнению сортировок между собой. Важнейшее преимущество изобретенного Стефенсоном Q-метода статистической обработки заключается в возможности количественной оценки близости взглядов респондентов между собой не по отдельным суждениям или оценкам, а сразу по всей совокупности их суждений, нашедших отражение в сортировке. Такая обработка осуществляется, как мы уже знаем, в матрице, представляющей собой обычную корреляционную матрицу, в которой случаи и переменные поменялись местами. Рисунок 8 показывает на простом примере, как практически происходит транспонирование. Вывод Q-статистики для показанного примера будет заключаться в том, что два респондента придерживаются антагонистических точек зрения на проблему: когда один говорит «да» тому или иному суждению, второй чаще всего говорит «нет».

Разумеется, при обработке групповых результатов мы обычно имеем дело не с двумя респондентами, а с целым классом или учебной группой. Выяснилось, что если в такой матрице суммировать значения всех коэффициентов корреляции сортировки одного респондента с сортировками других участников группы и отнести значение суммы к размеру группы, можно получить информативный показатель, отражающий степень социализации респондента. Этот интегральный показатель был назван нами *индексом социализации* и обозначен как $Q_{инд}$. Он рассчитывается по формуле: $Q_{инд} = (СКК - 1) / (N - 1)$, где N – число элементов матрицы, $СКК$ – сумма коэффициентов корреляции

сортировки данного респондента с сортировками всех членов группы (т.е. результат суммирования чисел одного столбца или одной строки матрицы). Низкие значения этого показателя позволяют с высокой степенью надежности идентифицировать «аутсайдеров» – лиц, слабо интегрированных в коллектив и не разделяющих его основные ценностно-смысловые установки. Обработка множества данных в Q-матрице показала, что в подавляющем числе случаев значения коэффициентов парных корреляций индивидуальных сортировок занимают диапазон, соответствующий положительной связи слабой и средней силы, лишь в одном случае из нескольких сотен превышая величину 0,7. На этом фоне единичные случаи, когда значение коэффициента корреляции между двумя сортировками превышает 0,9, может почти безошибочно трактоваться как результат копирования сортировки у соседа по парте. Использование Q-матриц при обработке данных опроса может служить, таким образом, еще и эффективным способом выбраковки «списанных» данных. Но главное назначение анализа – в выявлении девиантных сортировок. Эффективность предложенного показателя обусловлена тем неожиданным, но статистически установленным фактом, что в большинстве учебных групп размером 20-30 человек легко и четко идентифицируется малое число (1-3) «аутсайдеров», резко выделяющихся из общего ряда. Обработка в Q-матрицах результатов более тысячи сортировок с применением трех разных комплектов показала, что от 90 до 95 % значений индекса социализации попадает в диапазон от 0,1 до 0,6. На этом фоне контрастно выглядят редкие сортировки с нулевым и отрицательным значением индекса.

Рисунок 8. Корреляционный анализ в R- и Q-статистике

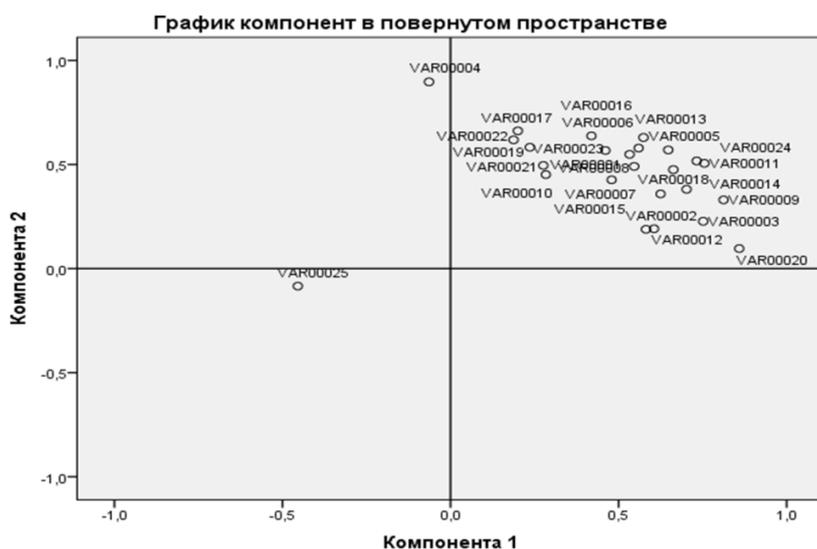

В дальнейшем был разработан более простой метод экспресс-диагностики Q-матриц с использованием техники факторного анализа и построением графика нагрузок двух основных компонент в повернутом пространстве (вращение ВАРИМАКС). Рисунок 9 показывает достаточно типичную картину того, как выглядят результаты анализа. В группе учащихся, состоящей в данном случае из 25-и человек, выделяются две сортировки, принадлежащие респондентам под номерами 4 и 25. Наш опыт показывает, что классные руководители с очень высокой долей совпадения способны предугадать результаты анализа и редко узнают что-то новое о своих учениках. Тем не менее, такая экспресс-диагностика может быть очень полезна педагогу, приступающему к работе в

незнакомой группе. При аккуратном обращении она позволяет быстро и надежно установить предварительный круг учащихся, испытывающих проблемы с социализацией

и требующих повышенного внимания. Несмотря на условный характер координации осей графика метод позволяет делать и более тонкие диагностические заключения о позициях конкретных участников в группе по положению их сортировки в облаке. Q-статистика изначально проектировалась, в том числе, и как инструмент изучения латентных социальных структур. Эта перспектива применения метода, связанная с задачей выявления отношений единомыслия и анатагонизма в изучаемых группах, также может иметь педагогически оправданное будущее.

Рисунок 9. Экспресс-анализ Q-матрицы методом выделения главных компонент

Значительный интерес представляет то обстоятельство, что индекс социализации в некоторых апробированных комплексах показал высокую силу корреляции с показателями соответствия эталону: 0,8-0,9. Это позволяет использовать его также в качестве показателя соответствия взглядов респондента педагогическим идеалам. В принципе это значит, что в

некоторых случаях можно вообще отказаться от использования эталонов и получать с высокой надежностью данные о детях, имеющих проблемы с социализацией, просто по корреляции индивидуальных сортировок в Q-матрице.

При изучении различий между группами аналогичная аналитическая процедура, выполненная в этом случае по расчетным «групповым» сортировкам, приводит к вычислению индекса групповых сходств ($Q_{групп}$). Он показывает, насколько ценностно-смысловой паттерн суждений данной группы респондентов (например, класса или школы) отличает ее от других групп. Исследования показали, что это наиболее чуткий и надежный способ обнаружить различия между группами по большой совокупности данных. Межгрупповые сравнения можно осуществлять и по значениям соответствия групповых сортировок эталону. Однако такое сравнение функционально будет ориентировано несколько на иную задачу. Иногда самым «типичным» паттерном суждений (т.е. имеющим самое высокое значение $Q_{групп}$) будет обладать группа со сравнительно низким соответствием эталону. Таблица 2 иллюстрирует это положение дел на примере сравнения результатов тестирования пятиклассников восьми разных школ комплектом «Мораль и автономия». Дисперсионный анализ групповых сортировок с применением теста Дункана показал наличие статистически значимых различий между группами по обоим применяемым показателям. Самым низким соответствием эталону отличались сортировки в школах 1 и 6 (0,27 и 0,35 соответственно). В то же время сортировки школы 1 показали самую высокую степень корреляции с сортировками других школ, т.е. оказались наиболее типичными ($Q_{групп}=0,89$). Школа 6, напротив, заняла маргинальное положение и была с высочайшим уровнем значимости выделена тестом Дункана в особую группу.

Таблица 2. Дисперсионный анализ групповых результатов СПС (комплект МиА). Тест Дункана

$Q_{групп} (p = 0,0)$			Соответствие эталону ($p = 0,003$)		
школа	N	Subset for alpha = .05	школа	N	Subset for alpha = .05

		1	2			1	2
6	26	0,74		6	36	0,27	
2	26		0,84	1	25	0,35	0,35
4	26		0,85	2	42		0,37
8	26		0,87	8	52		0,37
3	26		0,87	7	25		0,39
5	26		0,88	3	54		0,43
7	13		0,88	5	51		0,44
1	13		0,89	4	45		0,46
Знч.		1,0	0,10	Знч.		0,08	0,06

К групповым результатам применим тот же метод факторного экспресс-анализа, который используется при сравнении индивидуальных сортировок. Ниже в главе 4 будет представлен целый ряд примеров того, как полученные графики позволяли нам выделить в большом массиве данных класс или школу с девиантными результатами тестирования. Данная возможность, предоставляемая СПС, может стать ключом к значительному повышению эффективности внешнего мониторинга деятельности образовательных учреждений. В выборках, составленных десятками отдельных учебных групп, метод способен быстро и надежно «выхватить» группы, занимающие маргинальное положение, или же засвидетельствовать отсутствие таких групп и гомогенность выборки. С учетом того, что показатели групповых и индивидуальных различий ($Q_{\text{инд}}$ и $Q_{\text{груп}}$) являются носителями спрессованной информации, которая составлена из десятков суждений респондента по соответствующей теме, соотношенных с десятками сортировок других респондентов, валидность выводов, получаемых на их основе, оказывается исключительно высока.

Диагностика с применением этих показателей представляет собой по существу двухэтапный процесс. На первом этапе происходит выявление девиаций и латентных социальных структур. Аналогично тому, как факторный анализ, проводимый в обычной матрице, служит задаче снижения размерности признакового пространства, так анализ тем же способом транспонированной матрицы обеспечивает генерализацию субъектного пространства, сводя множественность элементов выборки к ограниченному набору типичных и нетипичных случаев. Второй этап заключается в детальной диагностике интересующих исследователя случаев. Сортировка, выступавшая на первом этапе в качестве единого целого, раскладывается теперь на кластеры и элементы (отдельные суждения). В ходе такой дифференциальной аналитики исследователь обнаруживает и описывает те индивидуальные черты, которыми характеризуются конструкты интересующего индивида или группы. Все эти описания могут при желании облекаться в количественную и статистическую форму, поскольку элементы описания – баллы – принадлежат множеству, подчиняющемуся нормальному распределению. Цифровое портретирование конструктов, составляющее основу аналитики СПС, создает широкие возможности для применения программ автоматической обработки, настраиваемых под определенную цель. Эта возможность, в свою очередь, открывает перспективу стратегически новых интерактивных подходов к организации психолого-педагогических исследований в образовании. Этой перспективе посвящена наша последняя глава.

Глава 3. Диагностический комплекс ОНИКС

3.1. Предыстория

Идея измерения нравственных качеств личности не может не вызывать инстинктивного отторжения. Но наука всегда пробивала свой путь сквозь заслоны интуитивных предубеждений и инстинктивного протеста. Развитие анатомии служит самым ярким примером того, как некогда кощунственная практика изучения человеческого тела открыла новые возможности врачевания неизлечимых недугов. Не может ли стать, что и результаты «анатомического исследования души» смогут со временем оказать благотворный эффект в области педагогической практики?

Разумеется, второй случай намного сложнее, хотя бы потому, что здесь гораздо труднее договориться о том, что мы измеряем. Наличие единой теории необходимо здесь уже не только на стадии интерпретации результатов, но и на стадии разработки метода. Различие представлений о природе тяготения или света не мешало человечеству пользоваться весами или классифицировать звезды по яркости, потому что отличие темного от светлого и тяжелого от легкого носит общепризнанный характер, коренящийся в общности чувственного восприятия. Характеристики нравственности не общезначимы в такой мере.

История попыток создания единой теории и установления общезначимых критериев нравственности ведет в далекое прошлое. Любопытные рассуждения Сократа на эту тему, изложенные в диалоге «Гиппий младший», а также сходные мысли Гербарта уже обсуждались нами ранее [13], и здесь нет возможности к ним возвращаться. Подытоживая кратко, в истории философии и именно у мыслителей, сыгравших громадную роль в становлении идеи образования, мы встречаемся с нетривиальной мыслью о том, что способность человека к нравственному поведению определяется не столько ориентацией его воли на добро, сколько степенью развитости определенных нравственных компетенций, каковые, в свою очередь, могут становиться предметом целенаправленного развития и тренировки. Эти компетенции Гербарт обобщал понятием «нравственного чувства», рассматривая последнее как разновидность чувства эстетического, очевидно, поддающегося развитию воспитательными средствами [3]. Более того, развитие способности отличать прекрасное от безобразного и хорошее от дурного Гербарт прямо связывал с постепенным преодолением средствами гуманитарного воспитания наивного эгоизма ребенка и сопутствующей ему замкнутости сознания. Односторонний человек, писал Гербарт, оказывается эгоистом, даже если он сам того не замечает, просто потому, что он вынужден относить все происходящее к маленькому кругу своей собственной жизни и мысли [45]. В исторической проекции продолжением этой линии учения Гербарта становится структурная теория Пиаже с его представлением о нравственном развитии личности как процессе поэтапной децентрации эго.

С позиций Пиаже ключ к диагностике общего развития надо искать в плоскости изменений мыслительных способностей, сопровождающих взросление ребенка. Нравственное (и духовное) развитие личности с этой позиции идет параллельно с развитием умственного (когнитивного) плана. Становиться более нравственным – значит, прежде всего, обладать более развитым мыслительным аппаратом, оперировать логическими схемами возрастающей сложности, могущими с различной степенью ясности и полноты охватить реальность существования другого «Я». Если содержательная сторона нравственного развития представляет собой процесс ассимиляции, а точнее интериоризации внешних содержаний, то формальная сторона описывается в данном случае как процесс аккомодации, т.е. изменения структуры сознания (когнитивных схем в терминологии Пиаже) под влиянием внешних содержаний с целью ассимиляции последних. Направление аккомодации, по Пиаже, идет в направлении децентрации

сознания познающего субъекта, т.е. заключается в последовательном размыкании эгоцентрических схем.

Таким образом, Пиаже, а вслед за ним и его ученик Лоренс Кольберг, сводят развитие нравственного сознания к прогрессивному изменению способности субъекта к нравственному суждению, что, несомненно, является сильным упрощением ситуации, но зато открывает прямой путь к применению количественных методов диагностики. Заданный теорией вектор развития есть та координатная ось, в которой можно вести согласованные измерения и получать сопоставимые результаты. Сколь условна ни была бы такая координация, это лучше чем ничего. В условиях множественности ценностных систем и педагогических идеалов она позволяет перевести совершенно непродуктивный спор о правильности или предпочтительности той или иной системы нравственных воззрений и ценностей в более продуктивный разговор о степени соответствия данных в опыте нравственных воззрений и ценностей условно принятому мерилу.

Используя математическую аналогию, измерение нравственных достижений на пути к совершенству можно уподобить измерению длины разнонаправленных векторов. В идеале, для осуществления формальной оценки нравственного развития, совершенно абстрагированной от содержания, каждое из направлений развития должно быть снабжено своим «единичным вектором», размечающим путь к совершенству на измеримые отрезки. Можно предвидеть, что при множестве направлений задача сравнения результатов таких измерений становится практически невыполнимой. С другой стороны, мощный аппарат статистической обработки, доступный современному исследователю, позволяет не бояться таких задач. Тем более что ряд доказавших свою эффективность процедур, таких, как факторный анализ, строятся как раз на работе с векторами и их проекциями на разные оси. Начать можно с того, что разметить указанным образом одно из направлений. Это и было сделано Кольбергом, впервые предложившим в 1964 году нравственную шкалу для количественных измерений и сравнений [35]. При этом ценность шкалы определялась не столько аккуратностью разметки, сколько удачным выбором направления размеченного вектора, заслуга в котором принадлежит Пиаже.

С описанием структурной модели Кольберга читатель сможет познакомиться в главе 5. Здесь надо заметить, что при всей ее эвристической важности, главную заслугу Кольберга перед наукой составляет все же не столько сама модель, сколько метод, которым ему удалось свою теорию снабдить и эмпирически подтвердить. Этот метод, получивший известность как метод нравственных дилемм, впервые открыл возможность оценивать уровень развития нравственного сознания, основываясь не на самооценке и не на декларациях, отражающих знание респондента о том, что от него требует общество, а на его способности разобраться в нравственной ситуации. Метод Кольберга по замыслу его автора позволял увидеть, чем мотивирована занятая респондентом нравственная позиция в той или иной ситуации, отражая, таким образом, развитие нравственного сознания уже не на уровне знания этических правил и норм, а на уровне их применения. Более того, отождествление Кольбергом высших стадий нравственного развития с «постконвенциональным» качеством суждения означало, что для получения высокой оценки в тесте респондент должен обладать определенной степенью автономии, то есть решимости иметь и выражать собственное суждение по нравственной проблеме.

Методика Кольберга вызвала обширную критику, основные положения которой можно свести к трем пунктам:

1. Схема поступательного развития нравственности, заложенная в методику, неосновательно претендует на всеобщность и не принимает в расчет социокультурную обусловленность морали.
2. Методика трудоемка и неэффективна в применении. Интерпретация интервью представляет собой сложную и недостаточно стандартизируемую процедуру. Фактор исследовательского субъективизма в вынесении диагноза слишком высок.

3. Успешность прохождения испытания в сильной степени зависит от коммуникативных и лингвистических способностей ребенка. Фактически при пользовании методикой часто измеряется не то, на что она нацелена.

Критика, при всей ее обоснованности, не привела к дискредитации метода дилемм, но, напротив, стимулировала работу по его усовершенствованию, послужив мощным фактором развития количественных методов диагностики в области нравственного развития личности. Главным достижением международного движения за реабилитацию метода Кольберга, начавшегося еще при его жизни, стал перевод интервью в форму стандартизованного теста. В числе наиболее удачных воплощений этой идеи надо назвать инструмент измерения способности к нравственному суждению MJT (Moral Judgment Test), разработанный в 1975 году немецким исследователем Георгом Линдом из университета Констанца [43]. и тест определения проблемных точек DIT (Defining Issues Test), разработанный в 1974 г. группой ученых из университета Миннесоты под руководством ученика Кольберга Джеймса Реста [47]. Оба теста рекомендованы разработчиками как инструменты измерения уровня развитости нравственного сознания и оценки результативности воспитания в образовательной системе. Тесты доказали валидность в решении этих задач на выборках общим числом более 800 000 респондентов по всему миру. Результаты апробации и применения методик изложены в сотнях публикаций. ОНИКС представляет собой продукт глубокой переработки двух этих зарубежных аналогов.

3.2. Научное обоснование метода. Что мы измеряем?

Принципиальное преимущество тестов, основанных на методе дилемм, заключается в возможности прямого количественного измерения способности респондента решать предложенные ему нравственные задачи, тогда как более широко применяемые в настоящее время методики измерения ценностно-мотивационных комплексов (тесты Рокича, Шварца, Смекала – Кучера, Кеттела и др.) основаны на самооценке респондентом собственных качеств. Таким образом, тест ОНИКС и его аналоги максимально приближены по своим функциональным возможностям к тем учебным задачам, успешность прохождения которых напрямую зависит от наличия у тестируемых соответствующих компетенций. Это преимущество открывает принципиально новые возможности диагностики в области нравственного развития личности, поскольку:

- существенно ограничивает, а в перспективе позволяет полностью устранить возможность симуляции тестируемым своей нравственной развитости;
- позволяет реализовать компетентностный подход к оцениванию личностных достижений в области духовно-нравственного развития: оцениванию подвергается не «знаниевая» компонента развития, отражающаяся в усвоении набора нравственных ценностей, а умение применять эти ценности к проблемной ситуации.

В сравнении с методами качественной оценки нравственных достижений школьника – таких как педагогическое наблюдение, собеседование, интервью – преимущество тестов состоит, прежде всего, в объективности и эффективности. Применение стандартизованной процедуры и единой количественной шкалы измерений устраняет фактор субъективности и неоднозначной интерпретации данных, повышая надежность получаемых результатов. К результатам применимы статистические критерии оценки надежности. Учитывая то, что на одно интервью по методике Кольберга уходят десятки минут, после чего начинается сложная процедура интерпретации с привлечением консилиума высококвалифицированных экспертов, перспективы этого метода в педагогической практике крайне ограничены. Применение тестов означает технологический прорыв, открывающий возможность проведения массовых диагностических исследований. Диагностический комплекс ОНИКС позволяет осуществлять единовременное тестирование неограниченного числа участников. Расчетное время выполнения одного

теста (одной части комплекса) составляет 30 минут, время дешифровки и обработки теста при соответствующем программном обеспечении – не более 5 минут.

К числу основных достоинств продукта при использовании в системе образования относится совмещение им диагностической и дидактической функций. Выполнение тестов ОНИКС представляет собой по существу решение учебной задачи, относящейся к классу задач, описываемых ФГОС ООО (п. 1.2.1) как:

- учебно-практические задачи, направленные на формирование и оценку навыка разрешения *проблем*/проблемных ситуаций, требующие принятия решения в ситуации неопределённости, и
- учебно-практические и учебно-познавательные задачи, направленные на формирование *ценностно-смысловых установок*, что требует от обучающихся выражения ценностных суждений и/или своей позиции по обсуждаемой проблеме на основе имеющихся представлений о социальных и/или личностных ценностях, нравственно-этических нормах, эстетических ценностях, а также аргументации (пояснения или комментария) своей позиции или оценки.

Результат тестирования позволяет судить о том, обладает ли респондент достаточно четкой и ясной для него самой системой нравственных принципов, которые он готов применять в конкретных жизненных ситуациях. Метод Кольберга изначально был спроектирован таким образом, чтобы для успешного прохождения теста было недостаточно знаний об общественно установленных нормах, но требовалась бы *продуманность* этих норм, личная им приверженность и убежденность в предпочтительности более высоких мотивов нравственного поступка. Все тестовые версии метода дилемм, включая ОНИКС, усиливают эту изначальную фокусировку на компетентностной стороне нравственного развития.

ОНИКС, как и его аналоги, сфокусирован на той психической способности, которая в западной научной литературе получила название *способности к нравственному суждению*. В некольбергианской структурной теории Дж. Реста, описывающей условия совершения нравственного поступка в последовательности «*восприимчивость – суждение – мотивация – характер*» [48], эта способность занимает второе место. В то же время, очевидно, что наличие нравственной восприимчивости, позволяющей увидеть и идентифицировать проблему, является первым необходимым условием успешного решения поставленной в тесте задачи. Применяемый в тесте ОНИКС результирующий показатель предполагает также необходимость актуализации в тесте мотивационной составляющей модели. Таким образом, при диагностировании комплексом ОНИКС наиболее рациональный компонент нравственного сознания (суждение) нагружается интуитивными и аффективными факторами, стоящими за выбором предпочтений. Это важное обстоятельство не позволяет идентифицировать тест в качестве разновидности интеллектуальной задачи, но требует отнесения его к специфическому разряду психолого-педагогической диагностики.

Хотя результаты тестирования не свидетельствуют напрямую о том, какими мотивами респонденты руководствуются в реальной жизни, они показывают степень привлекательности для них той или иной мотивации, стимулирующей к поступку, желание руководствоваться данной мотивацией в своей жизни или понимание желательности этого. Применительно к педагогическим задачам это значит, что данная мотивация включена в зону ближайшего развития воспитуемого. Пользуясь терминологией Л.С. Выготского, основное назначение диагностического комплекса в системе образования можно, таким образом, определить в самом широком смысле как *выявление ближайшей зоны нравственного развития* индивидов и групп и решение ряда сопряженных задач. В число таких задач могут входить:

- оценка результативности образовательных программ и влияния воспитательных факторов;
- отслеживание динамики нравственного развития;
- диагностика индивидуальных и групповых девиаций в развитии и др.

Согласно структурной теории нравственного развития Пиаже – Кольберга, основной педагогический принцип в области нравственного воспитания состоит в том, чтобы подбирать педагогические воздействия, ориентируясь на уровень нравственного сознания воспитанника. Эти воздействия должны вводить воспитанника в систему ценностей и нравственных представлений, соответствующих следующей стадии нравственного развития по отношению к той, на которой воспитанник находится в данный момент. Умение определять уровень нравственного развития личности критически важен для реализации данного принципа. Есть все основания ожидать, что внедрение в практику педагогической диагностики комплекса ОНИКС обеспечит более успешную реализацию индивидуального подхода к воспитанию и поставит процесс духовно-нравственного развития школьника на более прочную научную базу.

.....

3.5. Рекомендации к применению

Основное предназначение комплекса в образовательных целях – измерение личностных достижений учащегося в области развития компетенции нравственного суждения. Тест применим в широком возрастном диапазоне от десяти лет и старше, причем в зависимости от возраста меняются приоритетные направления его применения. Так, значительные расхождения усредненных значений Никс для учащихся старших классов разных школ, зафиксированные в исследованиях, свидетельствуют о возможности использования ОНИКС в качестве *инструмента внешнего мониторинга* результативности воспитательно-образовательной деятельности образовательных учреждений. В младших классах средней школы низкие фоновые показатели не позволяют эффективно решать эту задачу, однако, как выяснилось, они позволяют ставить и решать пока необычную для нашего образования задачу *выявления нравственно одаренных детей*.

Полученные данные бесспорно свидетельствуют о наличии весьма малочисленной, но достаточно устойчивой (в среднем один-два человека на класс) группы учащихся пятых-шестых классов, уровень развитости нравственного суждения которых значительно превосходит средневозрастной. Такие дети проходят тест с повышенными и высокими баллами и показывают паттерны нравственного суждения, характерные для взрослых. При этом около одной четверти таких детей не показывают высоких предметных достижений. Учитывая, что случайное прохождение теста с таким результатом практически исключено, обнаруженный факт убедительно опровергает мнение о принципиальной ограниченности возможностей нравственного суждения у детей и подкрепляет представление большинства последователей Кольберга о том, что скорость прохождения стадий нравственного развития представляет собой сильно варьирующую величину, зависящую от субъективных факторов. Это, в свою очередь, подчеркивает актуальность задач разработки инструментария ранней диагностики особенностей нравственного развития школьника. Диагностический комплекс ОНИКС представляет собой шаг на пути создания системы раннего выявления и сопровождения детей, показывающих высокие личностные достижения в области нравственного развития, с целью поддержки и углубления их таланта, а, возможно, и дальнейшей профориентации.

Изучение паттернов нравственной аргументации на основе дифференциальных показателей позволяет детализировать заключения, сделанные на основе значений Никс. Можно выделить несколько перспективных путей применения такого анализа. Во-первых, наличие набора взаимосвязанных переменных, полученных в режиме вынужденного распределения, создает почву для применения Q-статистики. Хотя число переменных в этом случае значительно ниже, чем в СПС (5-6 против 30-40), практика показала целесообразность осуществления экспресс-анализа выборок на гомогенность с применением аппарата факторного анализа, как это описано выше для технологии СПС. В разделах 4.3 и 4.4 читатель найдет иллюстрации этого тезиса. Такой анализ позволит легко, быстро и надежно выявить в исследуемой группе случаи с девиантными признаками суждения, будь то отдельные учащиеся при анализе ситуации в классе или отдельный класс /школа при анализе ситуации в районе/городе.

Во-вторых, с использованием тех же показателей возможно уточнение характера девиаций в целях выработки и оптимизации индивидуальных коррекционных программ. В настоящее время рекомендуется диагностировать следующие типические отклонения от нормы нравственного суждения:

- неразработанность нравственной восприимчивости и представлений,
- эгоизм,
- конформизм
- самоутверждение (нонконформизм) и
- юношеский ригоризм.

Наиболее важными в педагогическом отношении следует считать перспективы, связанные с выделением первого из названных отклонений. Речь идет о возможности дискриминировать два принципиально разных случая девиации: несформированности (размытости) нравственных конструктов сознания и инверсии нравственных представлений. Понятно, что эти два случая предполагают весьма разные педагогические стратегии коррекции, и если в первом случае упор необходимо делать на общее развитие личности, то во втором речь надо в большей степени вести о *перевоспитании*, ресоциализации или психологической коррекции.

Значительную роль в постановке и повышении надежности таких диагнозов может сыграть повторное тестирование. Согласно нашему опыту среди школьников раннего подросткового возраста наивысшую степень корреляции результатов двух повторных тестирований (проведенных с перерывом в несколько месяцев) показывают две контрастные группы респондентов. Одна – с наиболее высокими результатами теста, другая – с наиболее низкими, вернее, часть тех, кто показал наиболее низкие результаты. Эти вторые и должны составлять предмет повышенной педагогической заботы, поскольку результаты их тестирования комплексом ОНИКС свидетельствуют о том, что они имеют четко сложившуюся систему ценностей и нравственных представлений, существенно отличающуюся от общественно принятой моральной нормы. В перспективе путем проведения повторных тестирований, по нашим представлениям, можно будет не только ставить качественный диагноз, но и количественно оценивать степень устойчивости, ригидности, или «непроницаемости» нравственных конструктов, по Келли. Очевидно, что изучение динамики нравственного суждения также может служить средством оценки результатов конкретных образовательных программ и педагогических воздействий по аналогии с тем, как это делал Роджерс на основе изучения Я-концепции пациента.

Таким образом, комплекс ОНИКС может быть рекомендован к применению в системе образования для решения, как минимум, четырех актуальных задач:

- организации мониторинга достижений образовательных учреждений в области духовно-нравственного воспитания и развития школьника на основе тестирования выпускников;
- оценки результативности программ духовно-нравственной направленности;
- разработки индивидуальных подходов к коррекции девиантного поведения подростков;
- выявления и поддержки одаренных детей и молодежи.

Необходимо также заметить, что диагностические и дидактические задачи, решаемые с помощью ОНИКС, соответствуют в полной мере положениям ФГОС ООО, в частности:

- о возможности «в целях оптимизации личностного развития обучающихся» ограниченной оценки в текущем образовательном процессе сформированности отдельных личностных результатов, проявляющихся в числе прочего в «*ценностно-смысловых установках обучающихся, формируемых средствами различных предметов в рамках системы общего образования*» (п. 1.3.2), а также
- о нацеленности программ формирования личностных универсальных учебных действий на «ориентацию в системе моральных норм и ценностей и их иерархизацию, понимание конвенционального характера морали», и развитие «морального сознания на конвенциональном уровне, способности к решению моральных дилемм на основе учёта позиций участников дилеммы, ориентации на их мотивы и чувства» (п. 1.2.3.1).

При использовании комплекса необходимо помнить о деликатности изучаемой области психических явлений. Здесь особенно высоки риски, связанные с возможностью некорректной интерпретации результатов. В виду этой опасности повышается важность

соблюдения требования стандартов привлекать к оценке личностных достижений учащихся специалистов, не работающих в данном образовательном учреждении и обладающих необходимой компетентностью в сфере психологической диагностики развития личности в детском и подростковом возрасте (п. 1.3.2. ФГОС ООО).

Для сведения к минимуму указанных рисков разработчиками рекомендуется следовать двум правилам применения комплекса ОНИКС в персонифицированных исследованиях в системе образования (помимо следования требованиям Федерального Закона «О персональных данных»). Первое правило состоит в *асимметричном принятии* результатов тестирования. Это значит, что высокие оценки теста принимаются с большей степенью доверия, чем низкие, с вытекающими отсюда практическими последствиями. Правило зиждется на представлении о том, что необходимым условием прохождения теста с высокими результатами выступает (при соблюдении процедуры) наличие у тестируемого измеряемой компетенции, в то время как низкий результат не может интерпретироваться столь однозначно, но может выступать свидетельством нежелания школьника выполнять тест.

Второе правило заключается в *сдержанности интерпретаций*. Необходимо помнить, что нравственное сознание и поведение представляет собой весьма сложный психологический феномен, и тест дает доступ к диагностированию лишь одной его грани, не всегда прямо определяющей поведение человека в реальной жизненной ситуации. Нравственность человека – открытая динамическая система, прогнозирование которой может осуществляться в весьма ограниченной степени. Впрочем, это обстоятельство относится ко многим другим областям человеческой природы и деятельности и не является основанием для отказа от разработки научно обоснованных методов диагностики и изучения человека «как предмета воспитания» (Ушинский).

.....

Глава 5. Теоретические изводы

5.1. Модификация схемы Кольберга

Прежде чем приступить к описанию модифицированной версии схемы нравственного развития по Кольбергу, необходимо кратко представить классическую модель, от которой мы отталкивались в своих рассуждениях. Это будет тем более полезно, что существует довольно большое количество разных интерпретаций этой модели, не всегда полностью совпадающих друг с другом.

Кольберг выделял шесть стадий и три уровня нравственного развития, которые последовательно проходит каждый человек на пути взросления. На первой стадии послушания, соответствующей нравственному состоянию, которое Пиаже определял как состояние нравственного реализма, или гетерономии, поступок оценивается ребенком исключительно с точки зрения его последствий, а не мотивов. Нравственная норма остается вполне внешней данностью, исходящей от носителей власти (взрослых). Вторая стадия понимания нравственности как взаимной выгоды наступает вместе с переходом от реализма к реципрокности (взаимности). Иногда этот переход описывают как шаг от слепого к инструментальному эгоизму. Обе стадии относятся к предконвенциональному уровню развития: нравственность не предстает еще для ребенка как регулятор общественных отношений. Конвенциональная нравственная установка возникает позже, при переходе от безусловности к условности нравственных установлений и сопровождается стремлением или соответствовать ожиданиям окружающих (третья стадия «хороших мальчиков/девочек»), или способствовать соблюдению общего для всех порядка (четвертая стадия). Конвенциональный, т.е. договорной уровень нравственных отношений соответствует состоянию нравственного релятивизма в терминологии Пиаже. Переход на постконвенциональный уровень развития с его стадиями «прав человека» и «универсальных этических принципов» совершается вместе с абстрагированием от социальных условностей и открытием универсальных общечеловеческих ценностей, совпадающих с голосом совести. Нравственность поведения на этом уровне определяется прагматическим поиском наилучшего пути реализации справедливости для всех участников социального взаимодействия, в том числе и вопреки сложившимся в социуме правилам.

Краеугольным в теории Л. Кольберга выступает представление о постконвенциональной природе нравственности. Вопреки убеждению бихевиористов в том, что нравственность как разновидность биологической адаптации измеряется степенью усвоения общественно или культурно принятой нормы, Кольберг отождествляет высшую форму нравственности со способностью подниматься над социальной нормой с тем, чтобы изменить ее в лучшую сторону и содействовать тем самым нравственному прогрессу. Соответственно предпочтительность постконвенциональной нравственной аргументации тестируемого опознается Кольбергом как вступление субъекта на стадию собственно нравственного суждения [35].

В связи с такой перестановкой акцентов в теории формируется и диагностический подход. Исследования и методы диагностики Пиаже, в большей степени находившегося под влиянием эволюционистских идей, центрировались главным образом вокруг проблемы перехода со стадии гетерономии на конвенциональный уровень морали. В связи с этим нравственные тесты Пиаже были настроены на фиксацию таких качеств сознания, как обратимость мыслительных операций, умение раскрывать причинно-следственные связи, способность к рефлексии и установлению отношений с другими и т.д. По сути, рассматривавшиеся качества были разновидностью базовых когнитивных способностей, поэтому методы Пиаже показывали валидные результаты при работе с маленькими детьми, но ничего не могли сказать о нравственном развитии человека на более высоких

стадиях. Кольберг переступил ограничения когнитивного подхода, и это открыло ему дверь для исследования более сложных психических процессов. Поэтому, в частности, ему потребовалась опора на концептуальные разработки школы Эриксона. В фокусе Кольберга оказался переход с конвенционального на постконвенциональный уровень суждений, и его метод дилемм наилучшим образом подходил для решения этой задачи.

Схематическое описание нравственного развития по Кольбергу, в его привязке к схемам Пиаже и Эриксона представлено в таблице 19. Совмещение в одной небольшой таблице разных концептуальных схем потребовало упрощений. Так, здесь не отражено двухэтапное описание младенчества по Эриксону, а также различие, которое он проводил между взрослостью и зрелостью. Вопрос о соотношении стадии 3 Кольберга со стадиями Пиаже, на самом деле, требует более дифференцированного подхода к определению формальных операций и не решается столь однозначно. Достаточно условна и возрастная привязка стадий. В особенности это касается Кольберга, который не раз подчеркивал, что скорость прохождения стадий нравственного развития сугубо индивидуальна. Тем не менее, такое совмещение не бесполезно. Оно помогает легче представить картину развития через ассоциацию каждой из стадий с теми определяющими чертами, которыми мы рисуем стереотипный портрет возрастных особенностей. Так, период позднего детства (7-11 лет), в который начинается школьное обучение, в обычном сознании и в трудах многих классиков психологии ассоциируется с обращенностью ребенка к обществу и с пробуждающимся стремлением занять в нем свое полезное место. В схеме Кольберга этот очень важный поворот в ориентации ребенка на окружающих соответствует переходу на конвенциональный уровень морали. Таблица позволяет также увидеть, что процесс нравственного взросления у всех трех теоретиков подчиняется единой логике, ведущей человека по пути возрастающей разомкнутости сознания и бытия.

Таблица 19. Этапы нравственного развития по Пиаже, Кольбергу и Эриксону.

возраст	стадии Пиаже		схема Кольберга		«развилки» Эриксона		
	когнитивный аспект	нравственный аспект	уровень	стадия	норма	аномалия	
младенчество	0-1	сенсо-моторная	аномия		доверие, надежда	сомнение, стыд	
	2-3	пред-операциональная	реализм	предконвенционный			1- послушание
раннее детство (4-6)			реципрокность		2- инструментальный эгоизм	инициатива, пытливость	пассивность, вина
позднее детство (7-11)		конкретно-операциональная	релятивизм	конвенционный	3- конформизм	трудолюбие	неполноценность
отрочество (12-17)					4- порядок и авторитет	самоопределение	потеря роли
молодость (18-35)					5- совесть и справедливость	любовь	изоляция
зрелость					6- универсальная этика	творчество, полнота	стагнация, отчаяние
		формально-операциональная		постконвенционный			

Попытки ревизии, пересмотра и дополнения схемы Кольберга предпринимались неоднократно. С одной из них (некольбергианской схемой Реста) читатель познакомился в главе 3 в ходе знакомства с тестом ОНИКС. Она была разработана на основе многолетнего применения теории и метода Кольберга в диагностической практике. Авторская модификация, представленная в этой главе, как и схема Реста, не является результатом преднамеренного поиска в схеме Кольберга слабых мест. Она также не

является продуктом дедукции из этических принципов. Автор шел к своим выводам индуктивно, опираясь на эмпирический базис.

В процессе составления комплектов и методической отладки теста ОНИКС был замечен параллелизм между стадиями 1 и 4, 2 и 5, 3 и 6, который не нашел отражения в трехуровневой модели Кольберга. Суть явления состояла в том, что аргументация от интересов других людей, соответствующая стадии 5, в своих этических основаниях казалась ближе к аргументации от собственного блага (стадия 2), чем к аргументации, мотивированной желанием понравиться другим (стадия 3). Сходным образом гетерономия стадии 1 угадывалась в ориентации на порядок и право, характерной для стадии 4. В дальнейшем это наблюдение получило и статистическое подтверждение в массиве результатов тестирования: суждения, составляющие указанные пары, показывали несколько большую склонность к взаимной заменимости. В наборе суждений стала вырисовываться непредвиденная структура.

На сходство стадий 1 и 4 обращали внимание и другие исследователи. В частности, авторитетный интерпретатор Кольберга У. Крэйн пишет: «На первый взгляд, представители стадий 1 и 4 дают один и тот же ответ, так что становится ясно, почему Кольберг настаивал на необходимости зондировать рассуждение, скрывающееся за внешним ответом. Ребенок на стадии 1 говорит: «красть нехорошо» или «это противозаконно», но не может развить эту мысль дальше, кроме как заключив, что укравший может попасть в тюрьму. Представитель стадии 4, в отличие от него, обладает представлением о функциональной значимости законов для общества в целом....» [32]. Указанный параллелизм мог быть оставлен без внимания при использовании техники интервьюирования, но при разработке письменного стандартизованного теста, требовавшего коротких и четких формулировок, он становился настолько серьезной проблемой, что его трудно было не заметить.

К уточнению схемы развития, предложенной Кольбергом, призывал и недостаток ясности в критериях различения стадий 5 и 6. Нагруженные идеологическими понятиями «прав человека», «общечеловеческих ценностей», «принципов демократии» и т.п., описания этих стадий во многом перекрывались между собой. Известно, что нечеткость их разграничения смущала самого Кольберга и привела к тому, что он в конце концов отказался от включения шестой стадии в формы представления результатов и предложил причислять все «постконвенциональные» ответы к пятой стадии [31]. Формализация, учитывающая параллелизм стадий 2 – 5 и 3 – 6, исключает такое усечение.

Результатом критического переосмысления идеи Кольберга в свете опыта работы с диагностическим комплексом ОНИКС стала двухуровневая схема, представленная в таблице 20. В соответствии с ней, личность проходит в своем развитии два витка (или уровня) децентрации эго, причем переход с первого на второй виток совпадает с кризисом идентичности, переживаемым в подростковом возрасте или позже. Поперечный структурный срез представляет три модуса нравственности, в которых субъект пребывает попеременно сначала на первом, а потом на втором витке развития. Модусы отражают разные образы Другого, но они могут быть определены также через форму отношений с Другим согласно следующей формуле:

- «Я и Оно», или модус *подчинения*,
- «Я и Ты», или модус *взаимности*,
- «Я и Мы», или модус *сопричастности*.

Таблица 20. Двухуровневая схема нравственного развития личности

Я и Оно	Я и Ты	Я и Мы
Уровень когнитивного развития		
Стадия 1	Стадия 2	Стадия 3
послушание	выгода	конформизм
Уровень посткризисного развития		
Стадия 4	Стадия 5	Стадия 6
нонконформизм или ригоризм	этика человечности	этика сопричастности

На первом витке развития происходит описанный Пиаже процесс ступенчатого развития базовых когнитивных способностей, обеспечивающих полноценное выполнение всех видов интеллектуальной деятельности, включая нравственное суждение. Условно первые три стадии можно сопоставить трем формам мышления, по Пиаже (предоперациональной, конкретно-операциональной и формально-операциональной), хотя в аспекте нравственности не менее важным критерием развития следует считать постепенное удлинение мысленной перспективы, включающей в рассмотрение помимо своего «Я» сначала личность «другого» (Ты), а затем и сообщество «таких как я» как соборный субъект нравственного волеизъявления (Мы).

Содержательно описание первых трех стадий в данной схеме в значительной мере совпадает с описаниями Кольберга и представлениями Пиаже. Стадия аномии, находясь на которой ребенок действует без оглядки на моральный авторитет, не включена в схему, но предполагается ею как пролог нравственного развития. Первая форма нравственного сознания, согласно схеме – это стадия послушания. Главным нравственным событием этой стадии является подчинение воли требованию, исходящему извне и, возможно, не совпадающему с собственным желанием ребенка. Это состояние можно было бы назвать гетерономией, хотя собственно о чуже-*законии* говорить пока рано. Представление о законе слишком абстрактно для восприятия на этом этапе. На стадии 2 состояние «слепого» подчинения внешней власти (Оно) сменяется персонифицированным восприятием источника моральных предписаний (Ты). Вместе с ним приходит надежда на взаимность (реципрокность) и желание участвовать в совместной выработке правил. Это пока вполне эгоистическое желание выражается в самой простой форме торговли – «ты мне, я тебе» – и не предполагает процедуры переноса собственных чувств и желаний на другого. Такая процедура, свидетельствующая о скачке в расширении изначально эгоцентрической схемы, становится возможной на стадии 3. В когнитивном отношении переход на стадию 3 сопряжен с формированием способности к нравственной рефлексии своего «Я». Субъект начинает задаваться вопросом о том, как он выглядит в глазах других, и мотивация к нравственному поступку с возрастающей силой исходит из этой новой перспективы.

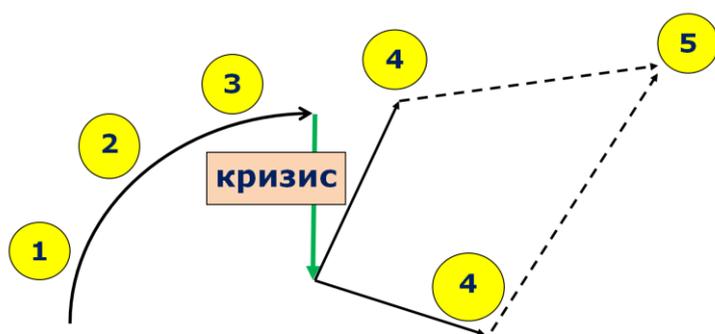
Следствием возросшей способности к критическому мышлению становится сопровождающая подростковый кризис потеря идеализированного взгляда на мир, и пересмотр сложившихся к этому времени ответов на смысложизненные вопросы. Концепция *потери роли*, по Эриксону, лучше всего определяет природу кризиса. В этой точке бифуркации нравственного развития подросток оказывается на распутье трех дорог, одна из которых, по существу, предполагает отказ от преодоления открывшейся сложности бытия и завершается застыванием на стадии 3 или даже возвратом к нравственным принципам одной из предыдущих стадий. Две другие дороги означают поиски выхода. В этих поисках юноша или отрок часто впадает в нравственный максимализм. Одним из его проявлений может стать противопоставление своего «Я» нравственным установлениям общества (нонконформизм), другим – жесткое требование подчинения личности социальным установлениям любой ценой (ригоризм). В обоих случаях под жесткостью позиции скрывается растерянность. Крушение иллюзии беспроблемного вхождения в социум взрослых отбрасывает молодого человека к состоянию неведения о способах влияния на свою судьбу. Потеря собственной роли становится одновременно и потерей роли других в его жизни. Лица близких

заволакиваются маревом неопределенности. Человек уходит в себя, чтобы заново выстроить картину мира. Этот его вынужденный эгоцентризм и предстояние чуждому, деперсонифицированному миру напоминают состояние, в котором он находился в начале нравственного пути. Смысложизненная перспектива, выстроенная на первом уровне развития, разрушена, и туманная данность «не-Я» предстает, как и в начале пути, в виде безличного источника нравственных предписаний. Стадия 4 в экзистенциальном отношении может быть охарактеризована как состояние романтического одиночества, столь не свойственного предыдущей стадии. Различие двух стадий заключается не столько в масштабе абстрагирования от конкретного социального окружения, сколько в степени отчуждения. Этот процесс мы описываем как обратный переход от модуса «Я-Мы» к модусу «Я-Оно».

Линейное описание развития на стадии 4 в терминах продолжающегося расширения когнитивных схем является, на наш взгляд, одним из самых серьезных недостатков классической схемы Кольберга. Неслучайно некоторые из его последователей давали этой стадии противоположное толкование при значительном совпадении взглядов по другим позициям. Так, в теории религиозного развития личности Джемса Фаулера [33] прослеживаются явные переключки со схемой Кольберга по пяти стадиям из шести, хотя и с сильным несовпадением возрастной привязки. В описании стадии 1 фигурирует страх перед Непознаваемым, стадии 2 – понятие реципрокности, стадии 3 – конформизм, стадии 5 – справедливость, стадии 6 – универсальные этические принципы. Однако в описании стадии 4, которую Фаулер называет индивидуативно-рефлексивной и относит к возрасту 30-40 лет, акцент делается не на подчинение авторитетам и мнению большинства, а, напротив, на освобождении от их власти. Стадия 4 по Фаулеру – это стадия протестантов и еретиков, стадия самоутверждения, на которой человек активно переосмысливает свою идентичность и решается в первый раз критически посмотреть на то, во что он верил в предыдущие годы. Тот момент нравственного развития, который Кольберг описывал как стадию 4, Фаулер включает в стадию 3.

На самом деле, кризис идентичности, описываемый Фаулером, во многом напоминает кризис подросткового возраста. Нет никаких оснований исключать этот важный момент нравственного становления личности из схемы развития. В то же время нет оснований отрицать или не учитывать в схеме явление юношеского ригоризма. Введение представления о точке бифуркации, соответствующей переходу от стадии 3 к стадии 4, на наш взгляд, лучшим образом устраняет проблему. Сценарий дивергентного развития с обозначением стадий представлен на рисунке 35. Потеря роли обозначена на рисунке как разрыв в линейном прогрессивном движении, имевшем место на первом витке развития. За кризисом следует дивергенция. За неимением лучшей нравственной опоры человек позиционирует себя по отношению к отчужденному социальному «Оно» либо как его сторонник, либо как оппозиционер. Издержками модуса безличности в обоих случаях становится пренебрежение такими «мелочами», как интересы конкретных людей. Соответственно, и выход к более высокой форме нравственного сознания в обоих случаях совпадает с вектором вторичной персонификации источника нравственных предписаний. Дивергенция развития на стадии 4 сменяется конвергенцией на стадии 5. Этот не подтвержденный пока строгими научными данными, но и не противоречащий житейскому опыту тезис принимается нами как логическое звено, необходимое для сохранения общих положений структурной теории Кольберга.

Рисунок 35. Дивергенция и конвергенция на уровне посткризисного развития

Когда на приближении к пятой стадии из тьмы непонятной, а по существу и враждебной стихии начинает проступать лицо человека, ближнего, брата, «такого же,

как я», нравственное сознание легко и естественно принимает золотое правило этики за основание нравственной жизни и становится гуманным. Как и на стадии 2, этика строится в логике «Я и Ты», но уже не на своекорыстии, а на эмпатии, позволяющей испытать подлинное сочувствие другому. Особенно важным обретением на этом этапе становится примирение внутренних требований совести с требованиями общества и внешним правом, в том числе и правом других предъявлять требования ко мне. Носитель нравственного сознания становится терпимым, что резко отличает его от представителя стадии 4. Нравственная *принципиальность*, которую он нес перед собой как щит на стадии 4, но которая, по сути, была для него соломинкой, не позволяющей утонуть в хаосе нравственных противоречий, смягчается и начинает уступать место мудрости. Принятие этики сострадания сопровождается, как правило, углублением нравственной рефлексии до способности видеть свои пороки и свою вину перед другими. Внезапное обретение этого видения (покаяние) иногда становится причиной скачкообразного перехода на стадию 5.

Подавляющее большинство нравственных конфликтов, достойных серьезного обсуждения и составляющих неперемный атрибут художественной литературы, разыгрывается именно здесь, на линии разделения между стадиями 4 и 5. Недаром в схеме Кольберга эта линия маркирует самое важное событие: переход на уровень постконвенциональной морали. Двухуровневая модификация не позволяет выделять стадию 5 в отдельный уровень, но тем самым не отрицает важности концепции постконвенциональности. Вместе с тем положение стадии 4 в предложенной модификации на одном уровне со стадией 5 подчеркивает их общность и совместное отличие от трех предыдущих стадий. Эта общность заключается в основании нравственных поступков на *убеждениях*, а не на *интересах*. Различие между стадиями 3 и 4 в этом отношении более принципиально, и здесь наша позиция совпадает с мнением некольбергианцев из группы Реста, объединивших три первые стадии понятием «операциональной схемы личных интересов» [49]. Уровень посткризисного развития с этой точки зрения можно определить как уровень этического сознания, или уровень убеждений, ибо все три представленные им стадии предполагают наличие более или менее развитой этической системы, прошедшей через горнило кризиса. Вопрос о том, можно ли называть этот уровень постконвенциональным, оставим открытым. Соглашаясь с аргументацией Кольберга, отметим лишь, что приверженец стадии 4, способный быть убежденным оппонентом носителя этики сострадания, вмещает уже в себя постконвенциональную нравственность стадии 5 в моменте ее отрицания. Нравственность стадии 4 в этом смысле является, по меньшей мере, постконформистской, формирующейся в условиях осознанной необходимости выбора убеждений и самим этим выбором противопоставляющей себя обществу.

Расположение стадий 4 и 6 на одном уровне схемы по обе стороны от стадии 5 косвенно свидетельствует о принципиальном отличии двух последних стадий, и здесь мы имеем дело, возможно, с самой существенной корректировкой схем как самого Кольберга, так и некольбергианцев. Логика нашей модификации требует параллелизма стадий 6 и 3, и мы его, действительно, находим, при внимательном рассмотрении тех не вполне удовлетворительных описаний, которыми Кольберг и его последователи (в данном случае, особенно Фаулер) сопровождают вычленение стадии «универсальных этических принципов». На этой стадии человек перестает заботиться о себе и посвящает всего себя служению какой-то великой цели. Но не прообразом ли этого изменения становится тот знаменательный поворот в нравственной жизни ребенка, когда он при переходе на стадию 3 начинает искать своего места в мире и мечтать о свершениях, не несущих утилитарной пользы? На стадии 6 человек распаивает себя для всего мира, отказываясь от предпочтений, обусловленных родством и принадлежностью определенной культуре. Но не такой же ли слом границ *своего* мира происходит при переходе во второе детство на стадии 3, когда ребенок выходит из лона семьи навстречу большому обществу?

Главное, что происходит при переходе на стадию 6 и что, на наш взгляд, определяет необходимость вычленивать эту стадию – это изменение модуса восприятия нравственности, подобное тому, какое происходило при предыдущих переходах. На этот раз модус «Я-Ты», активированный стадией 5, сменяется модусом «Я-Мы». «И все уж не мое, а наше, и с миром укрепилась связь», – так писал А. Блок о преодолении человеком «опасных лет» молодости. На этой терминальной стадии развития горизонт нравственного сознания вновь пытается охватить мир, и в нравственной мотивации, как и на стадии 3, начинает доминировать чувство сопричастности. Но теперь эта сопричастность мотивирована не желанием получить одобрение, но возросшей силой добродетели и созревшим чувством ответственности за других. На этой стадии в мотивации начинает доминировать новая тема, несвойственная стадии 5. Братская любовь стадии 5 сменяется отеческой и материнской любовью. Поднявшаяся в силу творческой самоотдачи над всякой условностью, эта любовь становится воплощением подлинной автономии человека, вершиной той линии восхождения, которую прочерчивает структурная теория Пиаже – Кольберга от точки проективного мировосприятия младенца.

Один из тех теоретиков, которые предпринимали попытки приложить теорию Кольберга к проблематике религиозного развития личности, Фриц Озер, назвал стадию 6 стадией универсальной солидарности [46]. В восточных религиозных традициях и в восточном христианстве концепция солидарности со всем живущим пустила глубокие корни. В русской философской традиции ее выражением выступают понятия космизма, соборности и всеединства. Духовное состояние, в котором человек переживает живую связь с другими творениями, понимается православным сознанием как расширение сердца, как знак приближения к святости. Получается, что великие религиозные традиции и структурная теория развития говорят на разных языках об очень схожих явлениях. Для того чтобы языковые различия не затмевали смысловое единство, требуется диалог, а для диалога нужен набор общих понятий. Предпринятая здесь попытка проецирования нравственного онтогенеза в плоскость семейных ролевых отношений ориентирована в том числе и на эту задачу. Для расширения ареала культурной и этической применимости структурной теории она важна, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, перевод описания психологических новообразований с языка, оперирующего категориями макросоциальных ценностей и норм на язык семейных отношений и связей, позволяет снизить ненужную нагрузку теории идеологическим содержанием. В условиях растущей конфликтности ценностных систем разных цивилизаций и культур такой шаг может оказать немаловажную роль в сближении позиций психологических школ. Кольберг, к примеру, считал одной из наиболее характерных черт нравственного сознания на стадии 6 готовность к гражданскому неповиновению. Здесь он, очевидно, оказывается верен своему воспитанию, полученному в преимущественно протестантской стране. На русский вкус эта готовность больше соответствует стадии 4. Китаец, воспитанный в этике недеяния (у-вэй), также, скорее всего, остережется ассоциировать терминальную стадию нравственного развития с социальным протестом. В то же время, представление об отеческом чувстве ответственности за своих детей может выступать с равным успехом архетипом расширенного сознания и предельной заботы во всех трех культурах.

Во-вторых, ассоциирование этапов нравственного развития с воплощением и проживанием разных семейных ролей – сына/дочери (стадия 3), брата /сестры (стадия 5) и матери / отца (стадия 6) соответствует универсальному опыту человечества. Оно также соответствует одному из базовых положений теории Кольберга, воспринятому им у Эриксона: на развитие нравственного сознания влияет не только уровень развития когнитивных способностей, но и личный нравственный опыт. Не каждому дано стать вождем народа и даже примерить на себя эту роль. Так что идея Кольберга населить стадию 6 персонажами вроде Махатмы Ганди, Мартина Лютера и другими личностями того же исторического масштаба, была порочна в нескольких отношениях и заведомо

обрекала стадию 6 на вымирание в прикладной науке. Прежде всего, она предполагала, что разработчики теории сами-то уж, конечно, дотянулись нравственным чувством до этой стадии, коль скоро они сумели ее рассмотреть и описать. При том, что разработчики эти не уставали утверждать, что лишь единицы в своем развитии добиваются до таких вершин, ситуация делалась этически деликатной. Не исключено, что добрая доля ярости, которую у критиков вызвала теория Кольберга, сопряжена именно с этим обстоятельством. Кроме того, исключительная малочисленность сверхчеловеков делала вычленение стадии 6 прагматически нецелесообразной. Наконец, явная недостижимость ее для большинства смертных ставила непростые вопросы перед исследователями, фиксируя признаки этой стадии в массовых исследованиях детей.

Попытка соотнести стадию 6 с опытом (или предчувствием опыта) отцовства во многом избавляет теорию от указанных затруднений. Образно говоря, такая замена превращает харизму короны, одеваемой на одного из миллионов, в харизму брачного венца. Вместе с тем она подчеркивает системную важность вычленения этой стадии, настаивая фактически на том, что личностное нравственное развитие не упирается ни в категорический императив Канта, ни в золотое правило этики. Гуманистические идеи справедливости, сострадания, равенства, вызревающие в модусе межличностных отношений братства, не могут венчать нравственное развитие человека по той простой причине, что идеалы братства, не исчезая из нравственного горизонта личности, перекрываются на ее жизненном пути опытом родительской привязанности, заботы и долга. Этот опыт несет в себе новые откровения и иначе расставляет этические приоритеты. Он принципиально обогащает нравственное сознание.

Есть основания надеяться, что предложенная модификация окажется применимой к широкому спектру прикладных задач в области изучения и диагностики процессов духовно-нравственного развития личности. В частности, мы не исключаем возможности приспособления метода дилемм и техники ОНИКС к измерению качеств религиозного суждения и изучению на этой основе взаимосвязи нравственности и религиозности субъекта. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Мы считаем, что шкалирование, необходимое для таких измерений, может быть осуществлено на базе той же структурной модели из шести стадий. В свете предложенного подхода просматриваются явные параллели между религиозными и нравственными категориями. Так, коррелятом инструментального эгоизма стадии 2 в области религиозной жизни может выступать магизм, конформизма стадии 3 – обрядоверие, ригоризма стадии 4 – религиозный фанатизм, сострадательности стадии 5 – религиозный гуманизм, отческой заботе стадии 6 – духовная мудрость старчества. Нет принципиальных методических препятствий и для разработки специального набора дилемм, в фокусе которых окажется собственно религиозная проблематика. В случае удачного исполнения тесты такого рода могли бы использоваться в мониторинговых исследованиях в системе теологического и духовно-нравственного образования. Нет сомнения, что они смогли бы предоставить ценную информацию и об общей результативности и о специфике влияния образовательных учреждений и программ на формирование ценностей и духовно-нравственных ориентиров учащихся. Сильным стимулом к работе в этом направлении является на удивление низкий уровень дилемм религиозного содержания, которые уже получили применение в педагогической диагностике за рубежом.

В завершение хотелось бы дать пояснения относительно того видимого противоречия между предлагаемой теоретической рамкой и фактическим исполнением комплекса ОНИКС, на которое внимательный читатель, вероятно, уже обратил внимание. Действительно, дифференциальные показатели полной версии комплекса рассчитываются в шкале из 5-и стадий и предусматривают объединение стадий 5 и 6. Но причина объединения лежит в прагматической плоскости и не исключает применения 6-и стадийной шкалы. Объединение продиктовано и оправдано задачей повышения диагностической эффективности комплекса. Формально, как уже говорилось, основанием

для него послужило отсутствие статистически значимых различий между значениями стадий 5 и 6 во всех возрастных группах (см. табл. 13). Более глубокой причиной можно считать недостаточную разработанность наличной версии комплекса и отсутствие его нацеленности на дискриминацию этих двух стадий. Для задач школьной диагностики и более важной, и практически легче реализуемой является регистрация предпочтительности постконвенциональной морали в ее отличии в целом от менее продвинутых форм. На эту задачу ориентированы и другие тестовые аналоги метода Кольберга, что сказывается уже на уровне выбора дилемм, репрезентирующих определенный тип нравственной проблематики. При желании и по мере необходимости диагностический комплекс может быть перефокусирован и перенастроен на более тонкое различение трех высших стадий между собой. Разумеется, такая перенастройка будет сопровождаться снижением других функциональных возможностей, присущих наличной версии и более актуальных, на наш взгляд, для сферы общего образования.

Идея разной настройки комплекса, начиная с выбора нравственной проблематики, на которой сфокусированы дилеммы, и кончая набором применяемых показателей и шкал, лежит, несомненно, в едином русле с общими установками конструктивизма и с той идеей интерактивного мониторинга, которая будет представлена читателю в заключительной главе. Она задает стратегическую линию развития диагностической технологии ОНИКС. В идеале комплекс должен представлять собой богатый, но системно управляемый инструментальный набор для решения различных прикладных задач, связанных с измерением способности к нравственному суждению и анализу нравственных конструктов сознания в сфере образования, профотбора, социальной помощи и адаптации, психологической экспертизы и т.д. Нет сомнения, что развитие технологии в этом направлении окажет помощь фундаментальной науке. С этой точки зрения предложенная модификация схемы Кольберга имеет свои преимущества перед прототипом. И вот почему.

Гипотетически, если схема верна, приверженность человека к тому или иному модусу нравственного суждения и соответствующему набору убеждений может отражать особенности нравственного развития на первом витке. Такое предположение прямо вытекает из представления Эриксона (и всей психоаналитической школы) о продолжительном эффекте детских переживаний. Какой отпечаток накладывает на конструкты нравственного сознания взрослого те условия, в которых проходило формирование его нравственных представлений в детстве? Вопрос, важность которого для педагогики трудно переоценить. Если, к примеру, выяснится, что долгое и интенсивное проживание ребенком стадии послушания ведет в дальнейшем к пребыванию его в том же модусе на витке посткризисного развития или, наоборот, вырабатывает в нем тяготение к модусу взаимности, определенные системы дошкольного и семейного воспитания могут получить новое научное обоснование. Предпринятый способ структурирования процесса нравственного развития способствует такому ракурсу рассмотрения и предоставляет для него удобную теоретическую рамку.

